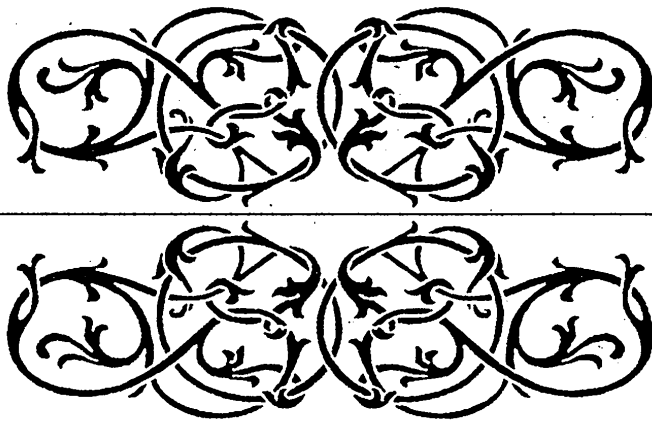

Из “Вечерних трапез”

ФРАНЧЕСКО
ГРАЦЦИНИ-ЛАСКА

**СВЯЩЕННИК ЦЕРКВИ САН-ФЕЛИЧЕ В ЭМЕ
НАСЛАЖДАЕТСЯ С МЕЕЙ, ПООБЕЩАВ ЕЙ ГУСАКА,
НО ОБМАНЫВАЕТ ЕЕ. ЗАТЕМ ОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ,
НО МЕЯ В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ ЛОВКО НАДУВАЕТ ЕГО,
ТАК ЧТО СВЯЩЕННИК, ПОТЕРЯВ ВНОВЬ
ПРИНЕСЕННОГО ГУСАКА И КАПЛУНОВ В ПРИДАЧУ,
БУДУЧИ НЕ В СОСТОЯНИИ ПЕРЕДВИГАТЬСЯ,
В САМОМ ПЛАЧЕВНОМ ВИДЕ ДОСТАВЛЕН ДОМОЙ**

Как вам должно быть известно, один из обычаев, неизменно исполняемый в нашей округе, таков: когда в церкви какого-нибудь селения отмечается церковный праздник, то ее священник приглашает на торжество пастырей из окрестных мест. Итак, когда черед дошел до церкви в Портико, туда, по приглашению местного пастыря, сошлись все соседние священники. Был среди них и некий мессер Агостино, священник прихода Сан-Феличе в Эме, расположенного неподалеку. Сей священник во время песнопений торжественной мессы случайно обратил внимание на красивую молодую женщину весьма пристойного вида и, спросив кое-кого, кто она такая, узнал, что она местная жительница из простолюдинок. Эта прихожанка смутила и взбудоражила воображение священника, и он в течение всей службы любовался ею

не без вожделения. Итак, когда положенные молитвы были прочитаны и служба окончена, прихожане разошлись по домам обедать; то же сделали и пастыри. Мессер Агостино, выйдя вечером на улицу, чтобы немного освежиться, увидел, к своему удовольствию, ту молодую женщину, что так приглянулась ему в церкви за обедней. Она сидела у порога своего дома. Это была Мея, жена каменщика, которая на свежем воздухе развлекалась в обществе соседок, балагурия с ними.

Агостино, желая разузнать побольше об ее положении и о ней самой, обратился к местному священнику. Тот сказал, что она хорошая жена и очень приветлива ко всем, за исключением лиц духовного звания; неизвестно, откуда такая ненависть, но они для нее хуже головной боли, и она не только не желает оказывать духовным лицам возможную приятность, но не выносит даже напоминания о них.

Весьма озадаченный этим сообщением, мессер Агостино все же не отказался от мысли добиться ее благосклонности во что бы то ни стало, сказав про себя: «Так или иначе, хотя бы мне это стоило шкуры».

Итак, чтоб Мея потом не признала в нем священника, он, хотя и неохотно, держался в стороне и наблюдал за ней издали украдкой, ничем себя не выдавая. Но чем больше любовался он этой женщиной, тем сильнее загоралось в нем желание обладать ею.

Между тем наступило время вечерни, а затем и всенощной, но Мея так больше и не показалась в церкви до окончания праздничных богослужений.

Мессер Агостино, обильно угостившись с остальными пастырями, попрощался с ними и отправился в Эме, в свой приход Сан-Феличе. С этих пор он ни о чем другом думать не мог, как о своей возлюбленной, и ломал себе голову над тем, как ему, скрыв от нее свой сан, познакомиться с нею и в конце концов добиться исполнения своего желания. Он был находчив и хитер, и вот пришел ему на ум один путь, который должен был легко привести его к успеху. В ближайший понедельник, приблизительно

около девяти часов вечера, он, нарядившись в крестьянское платье, не побрив бороды, в белом платке под широкополой соломенной шляпой потихоньку вышел из дому, прихватив с собой жирного гусака. Окольным путем выбрался он на большую дорогу, которая проходила несколько выше Портико и вела к Флоренции. Священник шел себе не спеша, останавливаясь на каждом шагу, пока издали не увидел Мею, сидевшую на пороге своего дома и приготавливавшую салат. Тогда он прибавил шагу и вскоре оказался прямо перед ней. Он остановился и начал ее бесцеремонно разглядывать. Мея, заметив простофилю, который вынул на нее глаза, спросила его, не продает ли он гусака, что принес с собой.

— Не продаю, — ответил священник.

— Ну так подари мне его! — сказала женщина; она была бойка на язык.

— Это вполне возможно, войдем к тебе в дом и договоримся, — сказал мессер Агостино.

Мея любила вкусную стряпню и все время поглядывала на гуся, который был жирен и бел. Она немедленно встала и вошла в дом, унося свой салат в фартуке; Агостино же последовал за ней, и она заперла за ним дверь. Когда священник увидел, что он в ее доме и дверь заперта, он сказал Мее:

— Слушайте меня, мадонна, этого гуся, столь белого и прекрасного, что вам приглянулся, я нес хозяину трактира, но, без сомнения, отдам его вам, если вы уступите мне частицу самой себя.

Они договорились между собой, что она примет его в свои объятия, а он отдаст ей за это гуся. Так и сделали. Возбудив в нем превеликую страсть, она дала ему удовлетворение и среди взаимных ласк сказала:

— Теперь можешь идти к себе домой, а гуся оставь мне.

Но коварный пастырь сказал:

— Нет, нет! Вы еще не заработали этого гуся. Пока я сам дал вам то, что должен был получить от вас, нужно поменяться местами, и тогда мы будем квиты.

Мея, смеясь, ответила: «Я поняла тебя», и согласилась. И так как наш мессер ей теперь более пришелся по нраву, чем при первом разговоре, ибо был дороден, красив и еще довольно молод, она охотно опрокинула его на спину и на совесть закончила вторую игру. Но мессер Агостино забрал гуся и сказал женщине:

— Монна, если вы хотите получить гусака, вам следует еще доплатить мне, повторив то, что было сначала, ибо сейчас мы расплатились друг с другом. Чтобы честно заработать гуся, вы должны снова занять исходное положение.

Смех исчез тогда с лица Меи, которая до той минуты отвечала торгашу шутками. Она вскочила и с гневом крикнула:

— Как тебе не стыдно, скупой мужлан! Не воображаешь ли ты, что непотребную девку нашел? Такие тебе должны быть по вкусу, мошенник! Давай сюда гусака и убирайся вон!

И она схватила гуся, но священник крепко его держал. Он уже приблизился к двери, отпер ее и был готов бежать, но Мея преградила ему дорогу, браня его на чем свет стоит; он отвечал ей тем же.

Как раз в этот момент вернулся домой муж Меи, раньше, чем он это обычно делал. Услышав перебранку, он толкнул дверь, вошел в дом и увидел жену свою, вцепившуюся в незнакомого крестьянина.

— Какого черта голосишь ты так, Мея? Чего тебе, прости господи, от этого проходимца нужно?

Ему ответил мессер Агостино, не дожидаясь того, что последует дальше:

— Да будет вам известно, добрый человек, что эта хозяйка сторговала у меня гуся за тридцать сольди на улице, а войдя в дом, она дает мне только восемнадцать.

— Ты лжешь, плут! — завопила Мея, но, считая, что это лучший способ скрыть от мужа свои шашни, она продолжала так: — Я ведь двадцать тебе давала, и мы на этом порешили.

— А я просил тридцать, — ответил Агостино.

Тогда муж сказал Мее:

— Провались он ко всем чертям, никогда вам не сговориться: ты ему «чет», а он тебе «нечет»! Или ты боишься без гусака остаться? Мало ли их продают!

— Пусть он им подавится, — сказала Мея, — видит бог, что никогда и никто не даст ему больше того, что я ему дала.

Уходя, священник твердил свое:

— А тебе другого не найти, у кого был бы такой крупный и жирный гусь, — и довольный сверх всякой меры, он вернулся домой, никем не узнанный.

Муж Меи, не поняв смысла последних слов ее, сказал:

— Не думай, однако, что ты так уж много ему давала! Ему цены лучше твоего известны, и если он отнесет гуся во Флоренцию, то получит за него больше сорока сольди. — И, сказав так, муж, забрав из дому, что ему понадобилось, пошел опять на работу, а Мея принялась снова чистить салат, возмущенная и обиженная тем, что над ней насмеялся такой мужлан.

Прошло с тех пор не то восемь, не то десять дней, а мессер Агостино думал все о своей Мее, которая полюбилась ему больше, чем он мог подумать, и решил он пойти навестить ее, а если удастся — снова соблазнить, но теперь уже не на даровщинку, как в прошлый раз; напротив, он хотел идти к ней с повинной. Нарядившись, как и прежде, в крестьянское платье, он забрал того же самого гусака и пару откормленных жирных каплунов, имея намерение отдать гуся за полученное уже удовольствие, а каплунов — за то, что он надеялся получить, желая с ней помириться.

Итак, он потихоньку вышел из дому, свернув в Галлуццо, на дорогу, ведущую к Флоренции, и шел не спеша, пока не добрался наконец до Портико. Ему повезло: проходя мимо дома Меи, он увидел свою возлюбленную в окне, и она тоже сразу признала его. Гусь и каплуны в его руках выдавали слишком явно его намерения. Мгновенно это пробудило в ней чувство мести. Он глядел на нее, и этого нельзя было не заметить; засмеявшись, она поманила его рукой, потом отошла от окна; как раз в это время у нее находился любовник, которому это могло показаться странным. Она растолковала ему, что он должен делать, спустилась вместе с ним вниз и спрятала его за поворотом лестницы, а сама отворила входную дверь.

Священник был уже у порога, он подошел к Мее и с поклоном сказал:

— Я принес вам вашего гуся и еще вот этих каплунов, если вы пожелаете их взять.

Женщина ответила насмешливо:

— Ты пришел в самое подходящее время, входи же, милости прошу; просто удивительно, сколько трудов, чтобы меня навестить!

Сер Агостино, весьма обрадованный этим приемом, вошел. А Мея заперла дверь и, взяв его за руку, повела в верхнюю горницу, не то что в первый раз, когда она оставила его внизу.

Итак, поднявшись наверх, она предложила гостю присесть, и священник, желая загладить свой проступок, стал извиняться.

— Монна, в прошлый раз, когда я был здесь, я вел себя довольно грубо и даже дерзко, но если б не нагрянул тот мужчина, то, конечно, я оставил бы вам гусака; но, полагая, что это ваш муж, как и оказалось в действительности, я счел за лучшее поступить иначе, — чести вашей ради и ради моего спасения. Но сегодня я решил заплатить свой долг. Вот гусак, вами уже оплаченный, а каплуны, которых я вам предлагаю, будут ваши, ибо я намерен остаться с вами в дружбе и приносить вам в дом то одно, то другое. У меня есть голуби, куры, сыр, козлята, есть все, что полагается по сезону, и я буду являться не с пустыми руками.

Мея ответила, улыбаясь:

— Я никогда не думала, что мой растеряха муж мог вернуться домой в такое время. Но пойми же, ты меня до того раздражил, что я без соли готова была тебя съесть. — И с этими словами она взяла гуся и каплунов, которых Агостино ей охотно предоставил, решив, что она готова с ним помириться. Она же спрятала то и другое в кладовку, сказав:

— Теперь я исполню твое желание.

Но в то время как она приблизилась к нему, делая многообещающие знаки, раздался отчаянный стук во входную дверь, ибо любовник вышел из засады, осторожно выбрался на улицу и стал изо всех сил стучаться в дверь. Мея бросилась к окну, но мгновенно отшатнулась от него, притворно плача и приговаривая:

— Горе мне, он меня убьет! Это мой брат, самый отчаянный и жестокий человек в мире! — и, обращаясь к Агостино, сказала: — Войди в эту каморку, ты погибнешь и я тоже, если он найдет нас вместе.

И она втокнула Агостино в каморку и заперла дверь на задвижку, а сама вышла из горницы на площадку лестницы и сказала громко, чтоб священник мог слышать:

— Добро пожаловать, тысячу раз привет тебе, мой дражайший братец!

А тот, заранее подготовленный, ответил громким и грозным голосом:

— А тебе чтоб сто тысяч раз пусто было! Вижу, что я вовремя сюда нагрюнул, а ты вообразила, что я нахожусь за тридевять земель. Где он, предатель? Говори, срамница! Где негодяй, что посмел наш дом опозорить? Где он, мошенник? Я убью и его и тебя заодно!

Мея, плача и стелая, молила:

— Братец мой, пощади! Нет у меня в доме никого!

— Нет, он здесь, ты его спрятала! Я отыщу его сам!

Так как он был одним из стражников, служащих под началом подеста города Галлуццо, он выхватил саблю и с шумом волочил ее за собой по кирпичным ступеням лестницы, отдуваясь и изрыгая проклятия.

Агостино, слыша все это, почти лишился чувств. Мея плакала, умоляла, а тот разъяренно чертыхался и угрожал ей, превосходно играя свою роль. Наконец «братец» пинком ноги ударил в дверь каморки с криком:

— Открой! Хочу видеть, кто там спрятан, и проткнуть его этой вот шпагой!

Священник слышал, как сотрясалась дверь, до него доносились ужасные угрозы, и ему казалось уже, что его насквозь проткнули шпагой, он метнулся к окну, которое было в задней стене дома на высоте двадцати локтей прямо над виноградником, прыгнул вниз и чуть было не повис на торчавшем среди лоз колу. Все

же он достиг земли, но, падая, расшиб себе колено и вывихнул ступню. Сковавший его страх был, однако, столь велик, что он, онемев, как рыба, и не будучи в состоянии подняться на ноги, то ползком, то на четвереньках тащился с места на место, стараясь скрыться подальше от дома...

Услышав шум, произведенный прыжком из окна, Мея, войдя в каморку со своим другом, удостоверились в происшедшем. Этого с них было довольно. И они хохотали до упаду, а затем пошли полюбоваться гусаком и каплунами, такими жирными и отличными на вид. Мея ликовала, считая себя отмищенной в полной мере. Неоспоримой истиной является то, что в мире нет ничего приятнее и утешительнее мести. Женщины твердо в этом убеждены.

Наш несчастный мессер Агостино ползком, страдая от боли, дрожа от страха, добрался до дороги и, спрятавшись в кустах, стал дожидаться вечера. По счастливой случайности мимо ехал мельник, мельница которого находилась у плотины Эме. Он был соседом священника и его приятелем. Агостино окликнул его тихим голосом, назвал себя и попросил посадить его на мула и отвезти домой. Мельник, не говоря ни слова, не расспрашивая ни о чем, не любопытствуя, по какой причине сосед оказался здесь в такое время и в таком положении, посадил его на мула и привез домой. Исполнил он и просьбу священника никогда никому о том происшествии не рассказывать.

Мессер Агостино, конечно, нашел оправдание перед своей матерью и служанкой, дав им вымышленные объяснения по поводу своего выхода из дому в столь странной одежде и относительно расшибленного колена и вывихнутой ступни, приковавших его к ложу на несколько недель. Мельник тоже поверил ему на слово и никто никогда не узнал бы этого случая, если б много лет спустя сам мессер Агостино, в глубокой старости, после смерти Меи и ее мужа, не рассказал, в виде забавной истории, свое приключение.

[Вечер первый, новелла VI]

НЕКИЙ АББАТ МОНАШЕСКОГО ОРДЕНА,
НАХОДЯСЬ ПРОЕЗДОМ ВО ФЛОРЕНЦИИ,
ПОСЕЩАЕТ ЦЕРКОВЬ САН-ЛОРЕНЦО, ЧТОБ УВИДЕТЬ
СКУЛЬПТУРЫ И БИБЛИОТЕКУ МИКЕЛАНДЖЕЛО,
НО ПРОЯВЛЯЕТ ПРИ ЭТОМ ТАКОЕ НЕВЕЖЕСТВО
И САМОНАДЕЯННОСТЬ, ЧТО СОПРОВОЖДАЮЩИЙ ЕГО
НЕКТО ТАССО ВЕЛИТ СВЯЗАТЬ ЕГО
КАК БУЙНО ПОМЕШАННОГО

Не так много лет прошло с тех пор, как некий аббат из Ломбардии, направляясь в Рим, пожелал остановиться во Флоренции. В то время Ипполито Медичи был еще мальчиком и находился под опекой кардинала ди Кортонна, который от имени папы Климента управлял названным городом.

Итак, аббат, гостивший в монастыре Санта-Тринита, захотел в один прекрасный день посмотреть статуи Микеланджело, хранящиеся в новой ризнице церкви Сан-Лоренцо, и отправился туда, взяв себе в провожатые двух братьев из своей обители и двух других монахов, приставленных к нему согласно монастырскому уставу.

Настоятель названной церкви по случаю того, что ризница оказалась запертой, призвал Тассо — таково было прозвище

молодого человека, хранителя ключей. Это был подручный Микеланджело, работавший в то время над росписью потолка библиотеки. Он немедленно явился на зов, и настоятель сказал ему:

— Тебе было бы приятно показать сему достойному человеку ризницу и библиотеку. Объясни ему, где и как должно установить статуи, кого они изображают и каково их назначение.

Тассо ответил, что с превеликим удовольствием это исполнит, и пошел вперед; аббат и монахи за ним. В таком порядке он привел их в новую ризницу, где его преподобие о многом расспрашивал Тассо, и тот на все давал ему ответы. Осмотрев каждую статую со всех сторон, аббат сказал одному из своих провожатых:

— Конечно, статуи эти, насколько можно судить, довольно-таки хорошие статуи, но я в воображении моем представлял их себе иными и по-другому расположенными, и большинство из них, на мой взгляд, хуже тех, которые я создал в моем воображении. Видно, сей Микеланджело — совсем не бог какой-нибудь, сошедший на землю, как утверждают в народе. Не сомневаюсь, что статуи в доме графа Пеполи ничего не потеряют в сравнении с этими, словно сработанными руками Ноддо или даже простого каменотеса...

Тассо, услышав такие слова, сразу смекнул, что аббат, несмотря на то, что все обращались с ним почтительно, называя мессер и ваше преподобие, — страшный невежда. Он хотел было растолковать аббату достоинства сих произведений, в которых тот, как и многие другие, ничего не смыслил, но счел за лучшее воздержаться. Из ризницы они проследовали в библиотеку. Проходя через церковь, аббат спросил Тассо, когда она была воздвигнута и каким архитектором. Тассо ему ответил, на что аббат заметил в свою очередь:

— Я не стану утверждать, что этот храм мне не нравится. Но разве возможно сравнить его с нашим собором Сан...¹ в Болонье?!

¹ Пропуск в оригинале.

Тассо усмехнулся, но гнев его душил так, что он не смог справиться с ним, и проговорил:

— Отец мой, если вы столь же сведущи и высоко образованы в вопросах религии, как в скульптуре и архитектуре, без сомнения, вы должны быть превеликим бакалавром богословия.

Тупоумный монах, не поняв насмешки, произнес:

— Благодарение богу, я являюсь учителем в вопросах теологии.

И рассуждая так, вышли они из храма и стали подниматься на верхнюю галерею монастыря, где находилась деревянная лестница, ведущая в библиотеку.

Впереди шли монахи, за ними аббат, Тассо замыкал шествие, так они взбирались медленно, шаг за шагом. И вот аббат, перед глазами которого вдруг открылся вид на купол церкви Санта-Мария дель Фьоре, остановился посреди лестницы, чтобы полюбоваться этим видом. Оставшись наедине с Тассо, ибо остальные монахи успели уже подняться в библиотеку, аббат сказал:

— Сей купол прославился на весь мир, — и это прямо удивительно.

— Ах, отец мой, — воскликнул Тассо, — но разве это несправедливо? Где в целом мире найдете вы столь величественное сооружение?! А фонарь, завершающий его, — просто ни с чем не сравнимое чудо!

Однако аббат презрительно ответил ему, сказав:

— Ты говоришь, как говорят все флорентийцы, но я слышал от людей, достойных доверия, что купол в Норче прекраснее этого и возведен с большим искусством.

Тут Тассо вышел из себя от бешенства, он потерял всякое самообладание и чувство уважения. Святой отец был схвачен с тылу за бока, и Тассо потащил его вниз с такой силой, что аббат покатился кубарем вниз по лестнице, а Тассо с громким криком бросился за ним и навалился на него. Аббат был прижат к полу, а Тассо продолжал кричать и звать на помощь.

— Сюда, сюда, помогите, бегите сюда, этот монах сошел с ума, он хотел броситься вниз с монастырской галереи...

На этот крик подоспело несколько человек подмастерьев, которые работали в одной из боковых комнат. Они увидели Тассо, навалившегося на аббата и взывающего о помощи, требующего веревок, чтобы связать безумного. Перепуганный аббат, придавленный и оглушенный криком, не мог вымолвить ни одного путного слова. Рабочие, не теряя времени, принесли веревки и так связали монаха по рукам и ногам, что он едва мог пошевелиться, затем отнесли его в каморку в дальней части здания и заперли там в темноте.

Спутники аббата прибежали на эти крики; но по той причине, что они уже находились в помещении библиотеки, занятые осмотром ее во время начала происшествия, они не могли судить о случившемся, видя, как мессера, связанного, громко стонущего, тащат неизвестно куда.

— Куда несут, зачем связали святого отца? — завопили монахи.

На что Тассо ответил, подкрепляя свои слова клятвой, что, если б он не оказался вовремя на месте, дабы схватить его преподобие, последний бросился бы с галереи вниз и что спасения его ради он велел связать его и запереть в темную каморку, чтоб аббат поскорее успокоился, пришел в себя, ибо он явно свихнулся.

Монахи ещё пуще принялись кричать; к ним присоединились и случайно оказавшиеся в монастыре люди, привлеченные шумом. Они в смятении и страхе молили отпустить их аббата. Тем временем Тассо скрылся без дальнейших объяснений, унося в кармане ключ от чулана, в котором заперли «помешанного». Он отправился в кабачок, и там в кругу приятелей и товарищей, в веселой компании за вином рассказал по порядку все происшедшее между ним и знатным гостем, и все хохотали до упаду.

Тем временем злополучный аббат, находясь в ранее описанном состоянии, не соображая еще, что привело его в подобное положение, затруднялся разобраться, он ли это в самом деле, или, возможно, некто другой, спит ли он или бодрствует, ибо в столь краткий промежуток времени произошло нечто, казавшееся ему тяжелым сном; он напрягал ослабленное сознание, стараясь вспом-

нить, что с ним случилось. Он чувствовал себя разбитым, измученным, ощущал острую боль в пояснице; сообразив наконец, что он связан и не может шевельнуться и, вероятнее всего, находится в тюрьме, он стал неистово кричать, потрясая своим криком весь монастырь; можно было подумать, что его поджаривают на медленном огне. Спутники аббата, услышав его вопли, сами завопили, требуя ключ и исчезнувшего Тассо.

Обеспокоенный настоятель Сан-Лоренцо поспешил к месту происшествия; он тут же послал за кузнецом, отперли дверь камеры и нашли там полумертвого от страха аббата. Тотчас же его развязали и поставили на ноги, но он не переставал кричать: «Я умер!» Монахи отнесли его на руках в келью настоятеля. Там, дав волю своему возмущению и гневу, аббат рассказал, как с ним поступили, взывал к справедливости и правосудию и настойчиво повторял, что совершено преступление против особы духовного звания, подвергнутой издевательствам со стороны какого-то мастерового, и он грозился довести дело ни больше ни меньше как до самого папы.

Настоятель, крайне этим смущенный, приказал отнести на носилках святого отца обратно в монастырь Санта-Тринита. Пострадавшему ничего не оставалось другого, как на протяжении всего пути охать и стонать, не без основания, конечно.

В монастыре жалобы его еще усилились по той причине, что там оказался генерал ордена, который, уяснив все обстоятельства дела, возмущенный, поспешил к кардиналу, а последнему изложенный случай показался столь неслыханным и преступным, что он тут же дал понять своему викарию, что Тассо необходимо задержать. По повелению кардинала и по приказу Совета восьми вся стража Флоренции была поднята на ноги, и Тассо разыскивали, как опаснейшего разбойника. Прослышав об этом, Тассо нашел такой выход: вечером, когда прозвонили к «Ave Maria», он отправился во дворец к своему другу мессеру Америго, аббату из Сан-Миниато, любимцу кардинала, и нашел убежище в его доме.

Вечером того же дня кардинал ужинал с Медичи Великолепным; сидя за столом, он обсуждал с ним оное неприятное дело, обвиняя и понося Тассо, говоря, что он тем более виновен, что оскорбил иноземца духовного звания, коему он обязан был оказывать сугубое уважение. Однако Великолепный защищал Тассо, указывая, что дело, возможно, не таково, как его описывает одна сторона, необходимо выслушать и противную сторону. Услышав такие слова, присутствовавший при этом мессер Америго послал сказать Тассо, чтоб он вышел из своего укрытия и явился, ибо настало удобное время.

Последний не замедлил явиться и начал с того, что отвесил почтительные поклоны кардиналу и Медичи Великолепному, а затем приступил к рассказу таким образом:

— Я позволил себе, монсиньор, явиться к вашей светлости, чтоб оправдаться перед вами в деле, случившемся сегодня между мной и неким приезжим монахом. По недоразумению ваша светлость приказала взять меня под стражу, как разбойника с большой дороги.

Затем Тассо изложил все происшедшее по порядку с самого начала, и рассказывал он столь забавно и складно, что сам кардинал не мог удержаться от смеха; однако, сурово взглянув на молодого человека, он промолвил:

— Монахи рассказывали совсем по-другому и уверяли, со слов аббата, будто ты спихнул его с лестницы и что ты приказал связать его и к тому же запереть в чулан, после чего скрылся, прихватив ключ.

— Монсиньор, — ответил Тассо, — уверяю вас, что аббат — сумасшедший и что на него тогда накатила блажь, и если бы я не оказался рядом, он бросился бы с галереи вниз головой и, наверное, как я уже ранее докладывал, сломал бы себе шею. Не может быть ни малейшего сомнения в том, что он обезумевший идиот, и это суцая правда! Посудите сами, возможно ли, чтоб когда-нибудь человек в здравом уме и памяти сказал, что купол в Норче прекраснее нашего храма Санта-Мария дель Фьоре и лучше его построен?

— Конечно, — произнес тогда Великолепный, — за такие слова он заслуживает канатов, мало ему веревок! Тассо тысячу раз прав. Со своей стороны я думаю, что оный монах не только сумасшедший, но и бесноватый. Поэтому я сам хочу защищать Тассо и завтра предстану перед викарием в качестве его поверенного, — и, обернувшись к Тассо и посмеиваясь, добавил: — Ступай ужинать, а завтра утром вовремя приходи на работу, за хлопоты возьмусь я. — И он приказал двум слугам проводить Тассо до самого дома.

Кардинал, человек проницательный, поняв желание Великолепного, послал спешно распоряжение викарию и капитану стражи, чтоб они оставили Тассо в покое.

На следующий день монахи, не добившись аудиенции у кардинала, притихли. Аббату же было сказано, что Тассо признан виновным, высечен и сослан на галеры сроком на два года. Последнее чрезвычайно обрадовало аббата; через несколько дней он почувствовал себя вполне здоровым и мог продолжить свое путешествие.

[Вечер первый, новелла VIII]

**СЕР АНАСТАДЖО, СТАРИК,
БЕЗ ВСЯКОГО НА ТО ОСНОВАНИЯ
СТАЛ РЕВНОВАТЬ СВОЮ МОЛОДУЮ ЖЕНУ;
ТОГДА ОНА, РАЗГНЕВАННАЯ И ОСКОРБЛЕННАЯ,
ПОВЕЛА СЕБЯ ТАКИМ ОБРАЗОМ,
ЧТО ВСЕ ЖЕЛАНИЯ ЕЕ ПОКЛОННИКА ИСПОЛНИЛИСЬ.
ПОСЛЕ СМЕРТИ МУЖА,
ПРОИСШЕДШЕЙ ОТ НЕСЧАСТНОГО СЛУЧАЯ,
ОНА ВЫШЛА ЗАМУЖ ЗА СВОЕГО ДРУГА**

Не так давно в нашем городе проживал некий нотариус по имени Анастаджо делла Пьеве. Во Флоренцию он попал еще будучи ребенком, воспитывался в доме Строцци, а когда вырос и стал юристом, был причислен к цеху. Работая во дворце подеста, он со временем разбогател, а когда состарился, то, не имея наследников, решил жениться. Так как он не гнался за приданым, то нашел себе девушку молоденькую, красавицу, благородного происхождения, которой он угодил всем, только не супружеским ложем; остальное она с успехом выпрашивала и выманивала у него, ибо нотариус был без ума от своей жены и обратился в самого ревнивого мужа на свете; он гораздо больше уделял внимания и заботы своей жене, неустанно наблюдая за

ней, чем делам с клиентами и поискам работы по составлению договоров.

Молоденькая Фьяметта вскоре поняла болезненные опасения своего мужа и страх, в котором он пребывал постоянно; и так как она была благородной крови и горда, то чрезвычайно разгневалась и решила устроить мужу то, о чем прежде она и думать бы не стала.

Случилось, что соседом дела Пьеве оказался некий врач, недавно приехавший из Парижа, где он изучал медицину. Это был мужчина лет тридцати пяти, довольно красивый и любезный в обхождении. Фьяметта, заметив, что он все время как-то странно на нее поглядывает, любуясь ей, стала оказывать ему знаки внимания. Врач, весьма этим довольный, все чаще появлялся в их доме, а она все радушнее улыбалась ему. И они полюбили друг друга и ничего на свете не желали с такой горячей настойчивостью, как того, чтобы им оказаться вдвоем. Однако достигнуть этого было невозможно, ибо у нотариуса была старая служанка, которую он держал в доме исключительно с той целью, чтобы она весь день следила за госпожой, а ночью он сам оберегал ее. От всего этого Фьяметта и ее возлюбленный Джулио (так звали врача) пребывали в глубочайшем огорчении.

Однако Фьяметта, охваченная нетерпением, решила найти возможность удовлетворить свое желание и, предупредив Джулио обо всем запиской, обдумала хитрую проделку, которая давала им возможность насладиться друг другом.

Итак, в одну прекрасную ночь, во время первого сна, добродетельная супруга принялась громко кричать:

— О господин мой Анастаджо, муж мой, я умираю, горе мне. Умираю... помоги, ради бога!

Муж проснулся, одним прыжком выскочил из постели и, как был, в ночном белье, бросился сзывать людей на помощь; слуги сбежались с зажженными светильниками, готовые помочь, но госпожа их продолжала кричать и жаловаться, что у нее боли по всему телу и вздулся живот.

Служанки стали нагревать тряпки, прикладывая их к ее телу вместе с капустными листьями, и не знали, что еще предпринять, ибо ей это не помогало, а стоны и вопли усиливались; она твердила:

— Горе мне, бедная я, о муженек дорогой, я лопну, меня разрывает, помоги мне, помоги, умоляю... — И при этом взгляд ее был столь безумен, что и вообразить себе это невозможно.

Нотариус плакал от жалости и страха, что она умрет у него на руках и он потеряет ее, и решил пойти за врачом. Чтоб как-нибудь успокоить жену, он сказал ей об этом, на что она ответила:

— Горе мне, иди же ты, бога ради! Да поскорей, поторопись, муженек дорогой, не мешкай, а то будет поздно!

— Не сомневайся, — ответил супруг, — чтоб не терять времени, я сейчас же сам отправлюсь к маэстро Джулио, нашему соседу!

— Поймите, — стонала Фьяметта, — ждать мне нельзя, горе, горе, я умру, ежели он не придет сейчас же и не даст мне лекарства.

Этого два раза не пришлось повторять, нотариус тут же отправился к врачу, который ответил, что готов к услугам, и без лишних слов поспешил в комнату, где лежала страдальца. Доктор поклонился ей и сперва постарался ее успокоить, потом тщательно ее осмотрел, выслушал, ощупал и, обращаясь к мужу, произнес:

— Одно из двух: или она съела нечто ядовитое, или эти страдания происходят от женских органов. Вы должны немедленно, ради ее спасения, пойти к ученому аптекарю и заказать снадобье, которое я пропишу. Это наилучшее средство, помогающее отменнейшим образом и как противоядие и от болезней женского организма.

— Ничего нет легче... иду, — ответил муж и прибавил: — А вы позаботьтесь, чтоб мне не опоздать!

— Не беспокойтесь, — ответил врач, — тем временем мы применим обычные припарки, в чем мне поможет эта служанка.

Уходя, синьор Анастаджо сказал:

— Напишите, что нужно.

И доктор, сочинив немислимый рецепт, велел снести его к тому самому аптекарю, лететь к нему, найти его дома или в аптеке, между тем как он, врач, останется при больной, которая, не пере-

ставая, стонала. Когда захлопнулась дверь за нотариусом, она еще удвоила свои жалобы и оглушила своим криком всех живущих в доме. Тогда врач приказал служанкам раздобыть масла и муки для снадобья, заявив, что не видит другой возможности спасти ее жизнь, как только прибегнув к заклинанию, и, снова обратившись к служанкам, он велел принести ему два стакана — один с вином, другой с водой, что и было исполнено. Врач, взяв один стакан в одну руку, другой в другую, стал что-то бормотать над ними, вернее делал вид, что произносит какие-то слова. Затем он подал стаканы Фьяметте: вино в правую руку, воду в левую, и велел ей выпить по четыре глотка из каждого стакана, а служанкам заявил, что, ежели они хотят спасти жизнь своей госпожи, им следует отправиться немедленно — одной на чердак, в самое высокое помещение в доме, а другой — в самую глубину его, в подвал, и там произнести четырехкратно все молитвы по четкам в честь четырех евангелистов. Он предупредил служанок, что молитвы надлежит произносить размеренно и полностью и — пока не прочитают всех — они не должны покидать своих мест. Служанки крепко поверили этим словам доктора, они даже охотно им покорились: чего же лучше — без всякого труда исцелить хозяйку, которая кричала не своим голосом, собираясь, по всем признакам, отдать богу душу. Старуха служанка спустилась в подвал, а молодая полезла на чердак, каждая со своими четками. Как только обе служанки были удалены из комнаты больной, доктор Джулио оставил воду, вино и все свои заклинания, а Фьяметта прекратила свои вопли и жалобы, и легко можете себе представить, сколь велико было наслаждение, которое они подарили друг другу.

Тем временем нотариус находился на дороге, ведущей во Фьезоле. От заказа лекарства до его выполнения прошел немалый срок, а сколько еще понадобится времени на дорогу до дому! Он уже не чаял застать жену свою в живых. А доктор и красавица Фьяметта не раз успели с невыразимым восторгом достигнуть сказочных стран.

Но вот, когда наступило время вернуться служанкам, а также и нотариусу, дама улеглась, как бы погрузившись в глубокий сон, а врач преклонил колени у ее ложа, что-то вычитывая в своей записной книжке. Сначала появилась из подвала старуха, потом и другая служанка — с чердака. Старуха вошла взглянуть, жива ли еще ее хозяйка, и, увидав врача, коленопреклоненного, что-то бормочущего, и хозяйку, лежащую неподвижно, как будто спящую, подумала, что та преставилась, и подняла крик, чтоб вызвать людей, но врач остановил ее и велел молчать, ибо, сказал он, госпожа выздоровела и просто отдыхает, крепко уснув; затем он обратился ко второй служанке, вошедшей вслед за старухой в комнату, и спросил ее, произнесла ли она все необходимые молитвы; получив утвердительный ответ, он поднялся на ноги, как раз когда Анастаджо стучался во входную дверь, и одна из служанок побежала ему отворять.

Нотариус с лекарством в руках ворвался как безумный, задыхаясь и дрожа от ужаса, что не застанет жену в живых. Джулио поспешил утешить его:

— Ваша супруга вполне излечилась, по милости господней поправилась, и ей не нужны никакие лекарства.

Он рассказал мужу, что, не имея под рукой других средств, он прибег к помощи заклинания. Больная тем временем сделала вид, что проснулась, и, весело улыбаясь, обратилась к мужу, сказав:

— О муж мой ненаглядный, подумай только, что я, твоя Фьяметта, вернулась к тебе из могилы, и возблагодари прежде всего создателя, а затем и господина Джулио.

За такую милость нотариус принялся благодарить создателя, за ним доктора и от избытка радости захотел подарить ему золотой флорин, но Джулио объяснил ему, что за подобное лечение ему не подобает принимать плату, и после многих уговоров и повторных благодарностей доктор наконец простился и отправился к себе; а нотариус, оставшись с Фьяметтой, отослал служанок на покой и счастливый заснул.

На другое утро Анастаджо должен был идти к проконсулу

по делам большой важности. Он встал, как обычно, не беспокоя жены, которая после стольких волнений минувшей ночи отдыхала, что Анастаджо, конечно, считал для нее вдвойне необходимым.

Итак, он поспешно оделся и вышел из опочивальни, но, по воле его злого рока, на первой же ступени лестницы оступился и кубарем полетел вниз, отсчитывая собственной своей особой ступени — одну за другой. Об одну из них он ударился виском настолько сильно, что лишился чувств. Служанки прибежали на шум, а за ними и Фьяметта; спустившись с лестницы, они нашли нотариуса лежащим на полу в глубоком обмороке и с кровоточащей раной у левого уха. Вид его был столь ужасен, что женщины решили, будто он мертв, и, плача, звали на помощь. Сбежались все соседи и, не теряя времени, ибо нотариус обливался кровью, отнесли его в постель; затем послали за двумя хирургами, лучшими во Флоренции, и в ожидании их холодной водой с уксусом привели несчастного в чувство, как раз к тому времени, когда прибыли врачи. Тщательно осмотрев и ощупав больного, они нашли серьезные повреждения и трещину в черепе и предупредили, что каждая минута дорога и следует подумать о напутствовании, ибо он долго не протянет.

Не спрашивайте, сколь огорчена была Фьяметта и каково было отчаяние, ею проявленное. Ее скорбь доставляла мужу больше страданий, чем боль от ран. Позабывшись о своей душе, он сделал завещание и, так как не имел родни, которая законно могла бы ему наследовать, оставил все свое состояние жене; все движимое и недвижимое имущество завещал он ей в наследство без всяких обязательств и условий — в доказательство самой горячей любви, которую он питал к ней. Радуюсь этому в глубине души своей, Фьяметта так плакала, что, казалось, вся жизнь ее утекает со слезами.

Анастаджо, огорченный этим, делал усилия над собой, чувствуя необходимость утешить ее, и говорил ей, что она теперь богата и он просит у нее только одной милости — не выходить замуж и оставить после себя свое состояние детскому приюту. Но если

уж она захочет семейной жизни, то, выйдя замуж, пусть первенца своего назовет Анастаджо, чтобы многие годы вспоминать о первом своем муже.

Жена, обливаясь слезами, обещала ему все на свете. У него же наступило ухудшение, вечером на закате солнца он потерял дар речи и в ту же ночь скончался. Фьяметта горевала и с виду была неутешна. К ней приехали отец ее и братья, которые горевали вместе с ней, и на следующий день устроили торжественные похороны.

Старая служанка, прожившая многие годы в доме, кроме жалованья, получила денежный подарок, и ей отказали от места; младшая же нашла себе друга и вышла замуж.

Фьяметта осталась богатой молодой вдовой и не прочь была выйти замуж вторично, несмотря на недовольство отца и возражения ее семьи.

Она думала неустанно о своем возлюбленном Джулио, который во время любовных свиданий, хранившихся строго в тайне, доказал ей, сколь он был пылким и мужественным. Принимая во внимание все обстоятельства, он не менее ее желал свадьбы, которая наконец и была сыграна со всею возможною скромностью. Супруги жили долго и счастливо, наслаждаясь любовью и богатством, растя свое состояние и семью. Фьяметта назвала первенца своего Анастаджо — сим исполняя завет своего покойного мужа.

[Вечер первый, новелла X]

ЛАЦЦАРО, СЫН МАЭСТРО БАЗИЛИО ИЗ МИЛАНА,
ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА РЫБНУЮ ЛОВЛЮ
ВМЕСТЕ СО СВОИМ СОСЕДОМ ГАБРИЕЛЛО.
ЛАЦЦАРО ТОНЕТ, А ГАБРИЕЛЛО, ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЬ
СВОИМ НЕОБЫКНОВЕННЫМ С НИМ СХОДСТВОМ,
ВЫДАЕТ СЕБЯ ЗА НЕГО, РАСПРОСТРАНИВ СЛУХ,
БУДТО ПОГИБ ГАБРИЕЛЛО. ОН ДЕЛАЕТСЯ
ОБЛАДАТЕЛЕМ БОГАТСТВА ЛАЦЦАРО,
ПОСЛЕ ЧЕГО ИЗ ЧУВСТВА СОСТРАДАНИЯ
ВТОРИЧНО ЖЕНИТСЯ НА СВОЕЙ ЖЕНЕ.
С НЕЙ И СО СВОИМИ ДЕТЬМИ
СЧАСТЛИВО ПРОЖИВАЕТ СВОЮ ЖИЗНЬ,
СНИСКАВ СЕБЕ ВСЕОБЩЕЕ УВАЖЕНИЕ

В старые годы Пиза, как вы, наверное, знаете по книжкам и тысячу раз слышали от людей, была одним из самых многолюдных и богатых городов не только в Тоскане, но и во всей Италии. Многие благородные, доблестные, известные своим богатством горожане проживали в означенном городе. Задолго до того времени, когда Пиза оказалась под властью Флоренции¹, в ней жил

¹ Флорентийцы покорили Пизу в 1406 году.

один миланский врач, приехавший из Парижа, где он изучал искусство медицины. По воле судьбы обосновавшись в Пизе, он стал лечить неких знатных особ, которым в короткий промежуток времени с помощью божьей вернул утраченное здоровье. Постепенно он стал пользоваться всеобщим доверием, снискал себе репутацию опытного врача и приумножил свои доходы. Так как ему нравилась Пиза, ее обычаи, характер ее жителей, то он решил в Милан не возвращаться, тем более что на родине у него, кроме старой матери, никого не было. К тому же через несколько дней по приезде в Пизу получил он известие, что и мать преставилась. И так пропала у него надежда переселить свою мать в Пизу — город, избранный им для своего жительства, где он с успехом врачевал, где в короткий срок, принося большую пользу другим, сам разбогател... Звали его маэстро Базилио из Милана.

Принимая все это во внимание, каждый пизанец заботился, как бы найти ему жену; многие предложения Базилио отверг, прежде чем сделать свой выбор. Ему нравилась некая девица — дочь благородных родителей, круглая сирота, бедная и, кроме своего дома, ничего не принеся ему в приданое. Маэстро Базилио с превеликой радостью справил в нем свою свадьбу, и супруги зажили в этом доме, народили детей и долгие годы провели в полном согласии. У них было три сына и одна дочь, которую просватали в Пизе, когда настала пора ей выйти замуж.

И старшему сыну они нашли жену. Младший изучал филологические науки, между тем как средний, которого звали Лаццаро, много времени потратил на учение, но без пользы для себя, ибо относился к науке как-то легкомысленно и вдобавок еще был ленив и несообразителен. От природы меланхолик, рассеянный, нелюдимый, молчаливый, он был к тому же упрям до такой степени, что если говорил «нет», то оставался непреклонным, хотя бы весь мир принялся его разубеждать. Потому отец, видя его грубый и самоуверенный нрав и желая его исправить, удалил его прочь из дому, послав в деревню, недалеко от Пизы, где ранее

приобрел себе четыре прекрасные усадьбы; в одной из них и поселился Лаццаро и сделал это весьма охотно, ибо деревенские обычаи нравились ему больше городских.

Но прошло десять лет с тех пор, как маэстро Базилио услал Лаццаро в деревню, и случилась в Пизе страшная, губительная эпидемия. Сначала заболевшие мучались в тягчайшем жару, потом они постепенно засыпали непробудным сном, и во сне наступала смерть. Эта болезнь, ко всему прочему, была столь же прилипчива, как чума.

Маэстро Базилио, как и другие доктора, выгоды своей ради, был одним из первых среди тех, кто начал врачевать названный недуг, и очень скоро заразился сам, и ничто не могло спасти его — ни микстуры, ни другие лекарства; через несколько часов он был мертв.

Столь губительна и жестока была зараза, что члены семьи Базилио не избежали ее. Не вдаваясь в подробности, скажем, что один за другим все заболевшие сошли в могилу. Осталась в живых лишь одна старая служанка. Над Пизой словно разразилось великое проклятие, которое было бы еще более грозным, если б многие жители не бежали из города. Но наступили лучшие времена, прекратилось опустошительное действие лютого мора, который в то время, как рассказывают люди, назывался «глистным недугом». Мало-помалу успокоившееся население вернулось в город к своим обычным занятиям и удовольствиям. В Пизу был вызван и Лаццаро ввиду получения громадного наследства. Он вступил во владение всеми богатствами, нанял одного слугу, взял к себе еще старую служанку и назначил управляющего, чтобы вести хозяйство в поместьях и принимать урожай.

Вся округа принялась тут же сватать Лаццаро невесту, не считаясь с тем, что он был груб и упрям и твердил в ответ, что решил еще несколько лет оставаться холостяком, а там он подумает... Больше к нему с этим делом не обращались, зная его характер. Он намеревался по-своему хорошенько пожить, не заводя знакомств с представителями богатых семей, коих он сторо-

нился, как черт заутрени. Его соседом был бедный человек по имени Габриелло, который жил с женой Сантой и двумя детьми, мальчиком пяти и девочкой трех лет. У них был свой маленький домик. Габриелло, отец семейства, был отличным рыболовом и птицеловом; он искусно плел сети и мастерил превосходные клетки. Ловлей рыбы и птиц он прокармливал себя и свое семейство, однако не без помощи жены, которая ткала полотно.

По воле господней Габриелло и Лаццаро были до такой степени похожи друг на друга, что можно было счесть это за чудо. Оба светловолосые, бороды одного цвета, формы и одинаковой длины; словом, они казались близнецами. Они были схожи не только лицом и телом, но и возрастом и характером. У них, как я уже сказал, были столь одинаковые вкусы и привычки, что, если бы их одели одинаково, не нашлось бы никого, кто сумел бы отличить одного от другого, и сама жена могла быть обманута этим сходством. Только одеждой и отличались они, ибо один одевался в грубый холст, а другой в изящнейшие ткани.

Лаццаро, видя в своем соседе такое удивительное сходство с собой, думал, что это не простая случайность и что подобная игра природы не может быть без причины, и он постепенно привык к Габриелло и к его жене, частенько посылал им различную снедь и вина, а то приглашал соседа к себе обедать и ужинать, и оба находили, о чем поговорить. Они рассуждали о самых интересных и прекрасных вещах, ибо, хотя Габриелло происходил из семьи бедных простолюдинов, он отличался тонкостью и проницательностью ума, был склонен к поэзии, умел и развлечь собеседника и польстить ему, так что Лаццаро не мог без него и дня прожить.

И вот однажды, сидя вдвоем за столом, почти покончив с обедом, они разговорились о рыбной ловле, и Габриелло рассказывал о многих способах, применяемых рыбаками, и наконец дошел до того, как ловят рыбу, ныряя с сетью на шею. Этот способ он особенно восхвалял, и указывал на него, как на самый лучший, наивыгоднейший и интереснейший. И вот Лаццаро разобрала

неодолимая охота посмотреть, как ловят крупную рыбу, нырнув с сетью, — при этом действуют не только сетью и руками, но хватают рыбу ртом, — и он стал настойчиво просить соседа показать ему этот способ. Габриелло ответил, что он готов хоть сейчас показать любой из способов ввиду того, что наступило подходящее для ловли время, середина лета, и друзья решили не откладывать дела и, тотчас же встав из-за стола, вышли из дому. Габриелло забрал свои снасти, и вместе с Лаццаро они отправились в Порта-а-Маре на реке Арно. Они шли мимо свайных укреплений, поддерживающих плотину, на которой росло множество деревьев, особенно ольхи; их раскинувшиеся в вышине кроны дарили земле сладостную, прохладную тень. Придя на место, Габриелло сказал Лаццаро, чтобы тот сел в тень и наблюдал бы, а сам, раздевшись догола, привязал, сеть к плечам. Лаццаро, тем временем расположившись на берегу, ожидал, что тот будет делать. Не мешкая ни минуты, Габриелло вошел в реку и нырнул, ибо он был великий мастер подобного рода ловли; вскоре он появился на поверхности и вышел на берег, неся в сетях восемь или десять отличных рыб. Казалось просто чудом, что рыба под водой так легко идет в сети. Тут же у Лаццаро разгорелось желание самому это увидеть. Солнце в ту пору было палящее и стояло в зените, лучи его падали на землю отвесно, словно огненные стрелы, поэтому Лаццаро захотел еще и освежиться. С помощью Габриелло он разделся, и тот отвел его к месту, где вода доходила только до колен. Приятное свежее течение проходило по самому дну реки. Габриелло оставил Лаццаро, сказав, чтобы тот не отходил дальше первого шеста, ближайшего к ним, и, указав ему этот шест, отправился продолжать ловлю. Лаццаро наслаждался, испытывая необыкновенное удовольствие от купания и поджидая Габриелло, который каждый раз возвращался на берег с рыбой в сетях, в руках и даже, шутки ради, приносил ее в зубах, и в таком количестве, что Лаццаро не мог тому надивиться. Он вообразил, что под воду проникает свет, ибо он никогда в жизни не нырял и не мог себе представить, что в темноте возможно наловить столько

рыбы. Он захотел уяснить себе, каким образом Габриелло ее ловит. И вот после того как Габриелло еще раз нырнул, он, недолго думая, погрузился в воду с головой и, чтобы все лучше рассмотреть, решил держаться поближе к шесту. Но шест, словно он был свинцовый, пошел ко дну. Не умея ни плавать, ни управлять дыханием, Лаццаро растерялся; барахтаясь, он старался выплыть на поверхность, но захлебнулся, вода налилась ему в уши и в нос, и он погружался все глубже, напрасно стараясь подняться, и чем более он метался, тем сильнее гнало его течение; вскоре он перестал соображать, где он находится.

Тем временем Габриелло очутился в глубокой яме, образовавшейся между свайными укреплениями, где вода доходила ему почти до груди; здесь ожидало его большое количество рыбы; чтобы наполнить ею сети, потребовалось немало времени, и он не спешил с возвращением. А несчастный Лаццаро, весь помертвевший, два и три раза всплывал на поверхность; при последней попытке он задохнулся и так печально кончил свою жизнь.

Между тем Габриелло, таща полную сеть, вышел из воды и, довольный, направился к тому месту, где оставил Лаццаро. Не найдя его там, он стал смотреть во все стороны и, ничего не обнаружив, был страшно удивлен и испуган. Так стоял он, ошеломленный, и вдруг заметил на зеленой траве одежду Лаццаро.

В страхе, предчувствуя беду, он стал вглядываться в глубь воды и обнаружил мертвое тело, которое течение прибило к берегу. Тогда, дрожа от ужаса, Габриелло бросился к нему. Он признал утопленника и в смятении точно окаменел. Так стоял он в нерешительности, не зная, что делать, боясь сказать правду, чтобы люди не заподозрили его в том, что он утопил своего соседа с целью ограбления.

Наконец, принуждаемый необходимостью, со смелостью отчаяния, он решил осуществить некий замысел, мелькнувший в его воображении. Видя, что кругом никого нет и, следовательно, отсутствуют свидетели, ибо большинство живущих по соседству были где-то на работе или спали, он прежде всего убрал рыбу и сети в

короб, потом вынул тело Лаццаро из воды и, взвалив его на плечи, хоть он и был очень тяжел, отнес его на берег и положил на молодую пышную траву. Сняв с себя штаны, он надел их на утопленника, затем крепко привязал сеть к плечам Лаццаро. После этого он опять взвалил его на плечи, нырнул с ним и опустил труп на дно реки, обмотав сеть вокруг одного из шестов таким образом, что только с великим трудом возможно было ее освободить. После этого Габриелло вернулся на берег, одел сначала рубашку, а затем всю остальную одежду Лаццаро, не исключая башмаков, и, наконец, сел, решив испытать судьбу свою, довериться удаче — себе на спасение и чтобы вырваться из тяжелой нужды — и использовать необыкновенное свое сходство с Лаццаро, которое могло бы доставить Габриелло полное счастье и постоянное благополучие.

Обладая решительным характером и сообразительностью, он увидел необходимость приступить немедленно к столь же опасному для него, как и смелому начинанию и закричал, будто сам был Лаццаро:

— Сюда, добрые люди! О, помогите, помогите, случилась беда, спешите на помощь, бедный рыбак утонул!

Он кричал что есть силы, и вскоре живущий по соседству мельник с целой толпой народа прибежал на его крик. Габриелло, прекрасно подражая Лаццаро, едва не плача, объяснил людям, что рыбак несколько раз нырял и каждый раз возвращался нагруженный большим количеством рыбы, но вот уж прошло больше часу, как он в последний раз нырнул и находится под водой; не может быть более сомнения, что он утонул. И когда его спросили, куда нырнул Габриелло, то мнимый Лаццаро указал им на шест, к которому он привязал соседа, как вам это уже известно. Мельник, приятель рыбака, немедленно разделся и, будучи отличным пловцом, нырнул в указанном ему месте и тут же нашел мертвеца, запутавшегося в сетях. Он попытался освободить его, но не смог этого сделать и, пораженный горем, вернулся на берег, восклицая:

— О, какое несчастье! Бедняга запутался у самого низа этого шеста и, без сомнения, утонул и уже мертв.

Испуганные поселяне словами и жестами выражали свою печаль. Двое из них, скинув одежду, бросились в воду, вместе с мельником вытащили утопленника из воды и положили его на берегу. Разорванные сети опутывали его руки; это доказывало, что они-то и были причиной ужасной его смерти. Слух об этом несчастье быстро разнесся по всей округе.

Вскоре подоспел священник из ближайшего прихода. Утопленника положили в гроб и отнесли в маленькую церковку, находящуюся недалеко от того места. Гроб поставили посреди церкви, чтоб все входящие могли его видеть и удостовериться в гибели того, которого каждый признал за Габриелло.

Печальное известие дошло до Пизы и, конечно, до несчастной жены, которая, плача, пришла в церковь со своими детьми, сопровождаемая ближайшей своей родней и соседями. Увидев мертвеца, лежащего в церкви, и поверив, что перед нею действительно ее муж, она с плачем и стенаниями стала целовать его, обнимать и не в силах была от него оторваться. С воплем отчаяния припала она к нему, растерянная, простоволосая, предаваясь рядом с плачущими детьми несмолкаемым пением, и каждый, кто видел это, из сочувствия и сострадания проливал слезы. Также и Габриелло, крепко любящий свою жену и детей, не мог удержаться от слез — горе близких увеличивало его печаль. Дабы успокоить немного свою столь страдающую, убитую горем жену, надвинув на самые глаза шляпу Лаццаро и закрывая лицо носовым платком, утирая слезы, он, признанный ею и каждым из присутствующих за Лаццаро, произнес прерывающимся глухим голосом перед всем народом:

— О женщина, не отчаивайся, не скорби, я не оставляю тебя, ибо твой муж из любви ко мне и чтоб доставить мне удовольствие пустился сегодня на эту рыбную ловлю против своего собственного желания. И мне кажется, что я являюсь в некотором роде причиной его смерти и твоего несчастья. Поэтому я буду всегда

помогать тебе и детям твоим всем необходимым. Утри же слезы, успокойся, вернись домой; пока я жив, ты будешь обеспечена всем, а когда я умру, то и тогда ты получишь столько, что ни в чем не будешь знать недостатка.

Эти последние слова он произнес, рыдая навзрыд, беспредельно сокрушаясь о смерти Габриелло и об утрате, постигшей вдову. Затем, как подобало бы Лаццаро в том случае, он вышел из церкви, провожаемый похвалами и возгласами одобрения.

Утомив глаза слезами, язык пенями, Санта дождалась часа, когда мертвое тело было предано земле, и в сопровождении своих родных вернулась в Пизу, домой, ободренная немного словами того, кого она с полной уверенностью считала Лаццаро — своим соседом.

Габриелло, столь похожий на Лаццаро, привыкая к новой своей роли, вступил в дом соседа. Все привычки хозяина дома были ему хорошо известны, ибо он был в его доме завсегдатаем. Никому не поклонившись, Габриелло прошел в богато обставленную комнату, выходящую окнами в прекрасный сад, и, взяв ключи из сумки покойного хозяина, он стал открывать все ящики и шкапулки; затем он нашел и другие ключи — от кованого сундука и бюро, конторки, письменного стола и прочих ящичков. Тут был целый склад: холсты и полотна, куски бархата и других материй, множество дорогих костюмов, унаследованных утонувшим Лаццаро от маэстро Базилио и братьев. Но всего более его поразили, не считая золотых безделок и драгоценностей, обнаруженные им тысячи две флоринов золотом и четыреста серебряной монетой. Габриелло был столь утешен сей находкой, что с трудом мог скрыть свою радость, обдумывая в то же время, как ему должно вести себя, чтобы пореже показываться на глаза домочадцам и убедить их, что он действительно и есть Лаццаро. Безошибочно зная его характер, Габриелло вышел к ужину из своей комнаты, утирая слезы.

Слуга и служанка, тронутые бедою Санты, считая хозяина виновником ее несчастья, решили, что он оплакивает Габриелло.

Он же, позвав слугу, приказал ему отрезать шесть ломтей хлеба, прибавить к этому две бутылки вина и половину ужина и отнести все Санте. Несчастную женщину это мало обрадовало, она только и делала, что плакала. Слуга скоро вернулся, и Габриелло велел подавать, но, для вящего сходства с Лаццаро, едва поев, встал из-за стола, не произнеся ни слова, и заперся в комнате, которую теперь называл своей. Из нее он выходил только по утрам к терции¹. Слугам казалось, что действительно у хозяина произошла некоторая перемена в лице и речи, но они рассуждали, что это случилось в результате переживаний, вызванных происшествием с бедным рыбаком.

И после своего ужина они ушли на покой.

Несчастливая Санта вместе с детьми немного поела и пошла спать, по возможности утешенная некоторыми своими родственниками, которые старались это сделать, глядя на присланную Лаццаро провизию; и, успокоенные этим, родственники удалились.

Много дум передумал Габриелло в ту ночь, и он не сомкнул глаз, но встал бодрым в обычное для пробуждения Лаццаро время. Он проводил свои дни в старательном подражании ему и в заботе, чтоб его Санта ни в чем не терпела недостатка. Слыша, однако, от своих слуг, что она непрерывно вздыхает и плачет, он, как муж, беспредельно и нежно любящий свою жену и соболезнующий ей в ее горе, захотел ее утешить. И возымеv это намерение, решил его исполнить как-нибудь после обеда, навестив ее. Это решение весьма скоро было выполнено.

Габриелло, войдя в свой дом, застал жену в обществе ее двоюродного брата. Тогда он сообщил, что пришел поговорить с ней о весьма важном деле. Зная об оказанных им милостях и не желая мешать, двоюродный брат тут же простился, сказав Санте, чтоб она выслушала милосердного соседа. Не успел он удалиться, как Габриелло запер за ним дверь и пошел прямо в маленькую комнатку, сделав знак Санте, чтоб она следовала за ним. Она же,

¹ Утренняя служба в католической церкви.

не понимая, чем вызвана такая честь, осталась на пороге, не зная, как ей дальше поступить — войти или находиться там, где ей подобает быть, но, подумав о выгоде, об оказанной помощи и надеясь получить от него еще большую, она, взяв за руку старшего сынишку, вошла в комнату, где застала соседа лежащим на узенькой кровати, на которой имел обыкновение отдыхать ее муж после работы. Пораженная, она остановилась, Габриелло, увидя с ней ребенка и принимая это как доказательство честности жены, возликовал и, обратившись к ней, произнес некое слово, которое было между ними часто повторяемо. Санта, еще более пораженная, не знала, что думать. Габриелло же обнял сына и, целуя, сказал:

— Твоя мать, по неведению своему, оплакивает твою судьбу и счастье свое и своего супруга.

Мальчуган, по малости своих лет, дичился, но Габриелло, посадив его на плечо, вышел в залу. Здесь он отпустил его играть, дав ему несколько монет. После чего обратился он к жене, которая уже по сказанному им слову признала его. Заперев дверь на задвижку, он все рассказал ей, ничего не утаивая.

Жена его, не помня себя от радости, убежденная в справедливости услышанного многим известным только им одним, на радостях, найдя мужа живым, осыпала его несчетными поцелуями, подобно тому как в церкви в глубокой скорби она целовала умершего, принимая его за своего мужа. И они, плача от великого счастья, осушали друг другу слезы поцелуями, пока Санта, чтоб еще лучше увериться в нем и исцелиться от пережитого горя, не захотела вкусить вместе с ним сладость удовлетворенной любви, и он не только не возражал, но еще больше ее желал того же. И тогда, окончательно успокоенная, она поверила, что он действительно Габриелло, рыбак, ее законный супруг. И насладившись друг другом и вдоволь наговорившись, они условились, что следует не только молчать обо всем, но и каждому продолжать играть свою роль. Он нарисовал ей, как счастливо может сложиться их жизнь, рассказал о тех сокровищах, каковые достались ему, и перечис-

лил все то, что он намерен сделать. Это чрезвычайно ее обрадовало, и они вместе вышли из комнаты. Когда Габриелло оставил ее и был уже на улице, Санта, притворно плача, сказала ему вслед настолько громко, что соседи могли ее слышать:

— Я поручаю вам этих детей.

И он сказал ей:

— Можете быть спокойны, — и вернулся домой, раздумывая, как ему лучше осуществить свои планы и довести свои замыслы до счастливого завершения.

Наступил вечер, и он, соблюдая принятую им манеру поведения, после ужина, ни слова не проронив, пошел к себе и лег в постель с желанием уснуть. Но всю ночь провел в размышлениях о том, как лучше осуществить свои намерения. И лишь только на востоке засветилась заря, он встал и отправился в церковь Санта-Катерина, при которой в то время проживал некий почтенный монах, благочестивый и добродетельный, которого жители Пизы чтили как праведника. Его звали брат Анджелико.

Обратившись к нему, Габриелло сообщил, что пришел по чрезвычайной необходимости — посоветоваться с ним об одном необычном и чрезвычайно важном деле. Добрый монах хотя и не знал Габриелло, но по милосердию своему тотчас же провел его к себе в келью. Габриелло назвал себя Лаццаро, сыном маэстро Базилио из Милана, и, зная все доскональнейшим образом, перечислил его родословную, затем рассказал, как он осиротел, потеряв всех близких во время мора, и многое другое он поведал в должном порядке. Так он дошел до Габриелло и тоже рассказал все, что произошло, доверив старцу, что он против желания Габриелло увлек его на рыбную ловлю на реку Арно и что тот ловил рыбу только ради его удовольствия, и как он утонул, оставив жену и детей в бедственном положении, ибо у них не было ничего за душой — ни денег, ни вещей, — и жили они только на заработок отца. Он, Лаццаро, считает себя в значительной степени повинным в смерти соседа, так же как и в беде, постигшей его семью, и это тяготит его душу и обременяет совесть. И вот он

задумал, вдохновенный господом, невзирая на то, что она бедна и простолюдинка, взять Санту в жены, если на то согласятся она и ее родители; детей умершего рыбака он решил взять к себе и растить их и воспитывать, как своих кровных, а в случае если будут другие дети, одинаково распределить между теми и другими наследство. Этим он надеется заслужить прощение у господина и одобрение у людей.

Духовный отец усмотрел в этом решении проявление благочестия и, оценив святость одного намерения, советовал Габриелло поторопиться с исполнением его, говоря, что, поступая так, он может быть вполне уверен в милосердии господнем. Габриелло, желая приумножить рвение монаха и склонить его к скорому содействию, открыл свой кошелек, вынул тридцать лир серебром, говоря, что он просит три понедельника подряд служить мессе святому Григорию за упокой души утонувшего рыбака. При виде сего прелестного дара добрый монах хоть и был свят, но возрадовался чрезвычайно, деньги взял и произнес:

— Сын мой, мессы начнутся в первый же понедельник. Теперь дело за бракосочетанием, в котором я помогу тебе насколько сумею и сколько в моей власти. Не беспокойся о богатстве и о благородном происхождении. Ни того, ни другого тебе не придется домогаться; ты сам, милостью божиею, богат, и придавать значение сему ты не должен, ибо все мы родились от одного отца и одной матери, истинное же благородство состоит в добродетели и страхе божьем, а она молодая женщина не испытывает недостатка ни в том, ни в другом. Я знаю хорошо и ее и большую часть ее родных.

— Я за этим и пришел, чтоб вы наставили меня на путь истинный, — сказал Габриелло.

— Когда хочешь подарить ей кольцо? — спросил монах.

— Сегодня, если она даст согласие. — отвечал Габриелло.

— Именем господина, — произнес монах, — предоставь мне действовать! Ступай домой и не выходи оттуда, пока не состоится сие благословенное бракосочетание.

— О том молю и отдаю себя в ваши руки, — сказал Габриелло и, получив благословение, вышел из кельи духовного отца в ожидании счастливого завершения сватовства.

Святой отец забрал тридцать лир, взял провожатых и отправился к сапожнику — дяде Санты, затем к двоюродному брату — цирюльнику, и, обсудив все обстоятельства, они вместе пошли к Санте и объявили ей суть дела. Она очень неохотно и словно бы враждебно их выслушала, но под давлением их настойчивых уговоров, сопровождавшихся указаниями на многие причины, от которых зависело ее благополучие и благосостояние ее детей, она, проливая притворные слезы, дала согласие, говоря, что только ради пользы и обеспечения детей она идет на это и еще по той причине, что Лаццаро так похож на ее Габриелло.

Если вам угодно знать дальнейшее, скажу вкратце, что добрый монах столь потрудился, что на другое же утро в присутствии нотариуса и многих свидетелей, собравшихся в доме Лаццаро, Габриелло (он же Лаццаро) во второй раз в жизни обручился со своей женой Сантой, которая, сняв траур, была одета в роскошное, сверкающее богатейшими украшениями платье, принадлежавшее жене старшего брата погибшего Лаццаро. Этот наряд был выбран Сантой из большого числа других и был сшит, казалось, по ее мерке. После обручения подали отличный завтрак, а вечером великолепный ужин, вслед за чем гости разошлись, а супруги удалились в опочивальню, где, счастливые и довольные, посмеивались над доверчивостью монаха, близорукостью родни и соседей, потешались надо всеми и, радуясь чудесному повороту судьбы своей, провели ночь в веселье и наслаждении.

Старая служанка и слуга были свидетелями произведенных громадных трат, они поражались, что возможно было столько израсходовать на свадьбу, и были недовольны новой родней хозяина. На следующий день после свадьбы супруги поднялись поздно, вкусивши любовных утех, и пошли к родителям Санты; вечером они опять пировали, и так в течение трех или четырех дней.

Габриелло должным образом одел детей. Санта чувствовала, что она достигла небес, из ада вознеслась в рай. Как-то она предложила мужу увеличить число слуг в доме, что Габриелло весьма одобрил; он решил при первом удобном случае рассчитать прежних слуг и в один прекрасный день вызвал их и объяснился с ними. Старой служанке, долго прожившей в семье, кроме соответствующего вознаграждения, он выдал триста лир на свадьбу внучки, а слуге, который с недавних пор был у него на службе, выдал вознаграждение с доброй прибавкой и отпустил обоих довольными и уболагодворенными. И тогда Габриелло завел в доме иные порядки, наняв новых слуг и служанок. Он прожил со своей дважды повенчанной с ним женой в мире и согласии долгую счастливую жизнь. У них родились еще два сына, которым он отвел новый дом и которых велел называть Фортунаи, «детьми счастья». Они были родоначальниками семейств, подаривших родине доблестных воинов, равно как и знаменитых ученых.

[Вечер второй, новелла I]

**ЛИЗАБЕТТА ДЕЛЬИ УБЕРТИ,
ВЛЮБЛЕННАЯ В МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА, БЕДНОГО,
НО ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ ДОСТОЙНОГО,
РЕШИЛА ВЫЙТИ ЗА НЕГО ЗАМУЖ
И СООБЩИЛА О СВОЕМ НАМЕРЕНИИ МАТЕРИ,
КОТОРАЯ ИМЕЛА ВИДЫ ПРОСВАТАТЬ ЕЕ ЗА БОГАЧА;
МАТЬ, РАЗГНЕВАВШИСЬ НА ЛИЗАБЕТТУ,
ВСЯЧЕСКИ СТАРАЛАСЬ РАССТРОИТЬ ЕЕ ПОМОЛВКУ.
НО ДЕВУШКА РАССКАЗАЛА ЕЙ О ПРОРОЧЕСКОМ СНЕ,
КОТОРЫЙ БУДТО БЫ ПРИСНИЛСЯ ЕЙ,
И, ПОДДЕРЖАННАЯ ОДНИМ МОНАХОМ,
ПОЛУЧИЛА БЛАГОСЛОВЕНИЕ МАТЕРИ
И ВЫШЛА ЗА СВОЕГО ИЗБРАННИКА**

Монна Лальдоми́на дельи Уберти, женщина знатного происхождения и одна из самых богатых в нашем городе, овдовев, жила со своей единственной дочерью, которую звали Лизабетта. Это была добронравная и на редкость красивая девушка, и многие знатные и богатые молодые люди заглядывались на нее, только и ожидая позволения матери, чтоб посвататься, вследствие чего обращались к ней тысячу раз в день, влекомые не столько душевными качествами девицы и ее красотой, сколько ее богатым

приданным и надеждой на громадное наследство. Но мать страстно желала как можно лучше устроить свою дочь и не решалась ответить ни на одно предложение утвердительно. Она искала для дочери мужа молодого, богатого, красивого, благородного, благовоспитанного, смиренного характером. И всегда выходило так, что в лучшем случае одного из перечисленных качеств недоставало у искателя руки Лизабетты, а мать не считала возможным снизить свои требования.

Тем временем дочь страстно влюбилась в юношу, проживавшего в соседнем с нею доме. Его звали Алессандро, и он мог бы отвечать всем требованиям за исключением богатства; он был беден и, как поговаривали, не слишком знатного рода, но его уважали и любили все, кто его знал. Не имея ни отца, ни матери, ни сестер, ни братьев, он жил одиноко под опекой старой служанки и проводил большую часть дня у себя дома за книгами. Девушка, чтоб увидеть его, выходила на свой балкон или глядела в одно из окон, которое позволяло наблюдать за всем, происходившим в его доме.

Догадливый и рассудительный, Алессандро скоро понял, к чему идет дело, и сам покорился этому сердечному влечению. Он только и думал о нем днем и ночью, в особенности после того, как ему были подброшены письма Лизабетты, столь прекрасно сочиненные, исполненные такого красноречия, что вызвали в нем великой восхищение и усилили в тысячу раз его собственное чувство. Особенно трогательны были уверения в не сравнимой ни с чем любви к нему. Это заставило молодого человека призадуматься, и он решил, что единственным выходом было бы, предложив ей руку и сердце, тайно обручиться с нею. «Случись это, — говорил он, — другое решение станет невозможным, и найдется ли тогда на свете человек счастливее меня?!»

Итак, отбросив все сомнения, он написал ей письмо, в котором открывал свою душу. Лизабетта, недолго думая, согласилась встретиться с ним, имея намерение узнать, таков ли он, каким она его себе представляла на основании рассказов других людей, каковы его знания и суждения. Она видела в нем не расточителя или управляющего ее богатством, но, напротив, признавала в нем того, кто наилучшим образом его приумножит. Между тем они при-

готовились к исполнению своего решения. При наступлении ночи Алессандро взобрался на крышу своего дома и оттуда с помощью веревочной лестницы спустился на балкон к Лизабетте; она, согласно условию, ожидала его и впустила к себе с превеликой радостью. После того как они подробно обсудили между собой все, что являлось для них важным, он не сделал ничего другого, как только поцеловал ее и подарил кольцо, предоставив ей, по ее желанию, право объявить о своем состоявшемся обручении. На этом они простились, весьма довольные друг другом.

Монна Лальдомина решила тем временем выдать дочку за Биндо, сына мессера Джери Спины — одного из влиятельнейших в то время граждан Флоренции, хотя жених очень мало отвечал тем требованиям, каковые были ею установлены.

Девушка, узнав об этом, однажды вечером после ужина, улучив время, рассказала матери подробно, с начала до конца, что произошло между ней и Алессандро. Монна Лальдомина пришла в ярость и заявила, что никогда не признает ни сего обручения, ни каких бы то ни было договоров. С наступлением утра она отвезла дочь в монастырь, а вернувшись оттуда, спешно послала за мессером Джери и изложила ему все дело. Было решено между ними заставить девушку во что бы то ни стало отказаться от жениха если не по доброй воле, то насильно, а также написать в Рим папе и, не считаясь с расходами, добыть от него письмо, предписывающее местному викарию под страхом отлучения не признавать обручение Лизабетты действительным. Слух о том разнесся по всей Флоренции и пробудил разноречивые толки.

Алессандро, убитый горем, уже терял всякую надежду когда-нибудь стать мужем своей возлюбленной; ибо мессер Джери сумел до того напугать его, что он и сам не знал, как ему быть. Он мог только ожидать решения молодой девушки.

Но девушка не могла выйти из монастыря, ни послать кого бы то ни было, ни передать письмо своему возлюбленному. Она не знала, насколько твердым оказался Алессандро, и боялась, что он может отказаться от нее, — слишком хорошо было известно, как велико влияние и власть мессера Джери. И так она жила в постоянном беспокойстве, днем и ночью думая, как ей быть, чтоб достигнуть желаемой цели, и тысяча планов и всевозможных

замыслов возникали в ее воображении. Наконец один из них показался ей осуществимым, и она решилась попытать счастья. Для этого она отправилась к настоятельнице монастыря и доверилась ей, сказав, что она, движимая раскаянием, теперь же готова отказаться от того бедного Алессандро и, покорившись воле матери, дать согласие свое богачу Биндо. Она признала еще, что ныне убедилась в том, что единственным благом для нее является исполнение желания монны Лальдомины. Аббатиса, весьма обрадованная этим признанием, немедленно послала сообщить о нем матери, которая с превеликой радостью приехала в монастырь, нежно обняла, расцеловала свою дочку и в тот же вечер привезла ее обратно домой, предполагая на следующее утро послать за мессером Джери и с ним окончательно договориться о дне свадьбы, по возможности не откладывая ее.

Однако Лизабетта, спавшая в маленькой комнате рядом с опочивальней мадонны Лальдомины, согласно принятому ею решению, встала и вошла к своей матери, едва в окне забрезжилось утро. Лицо девушки выражало ужас, голос дрожал.

— Мать моя дорогая, мне приснился сон, и я от страха вся дрожу, как лист.

— Но чем же я могу помочь тебе? — отозвалась мать. — Постарайся забыть его, ты ведь знаешь поговорку: «Сны лгут, а мысли обманывают».

— Горе мне, — сказала Лизабетта, — вы не знаете, что мне приснилось; это и вас касается, потому-то я и хочу, чтобы мы с вами вместе о том потолковали.

— Что это еще ты там надумала? — спросила мадонна Лальдомина, которая хитростью дочери была приведена туда, куда та старалась ее довести. — Если желаешь, я приглашу фра Заккарио, нашего духовника, он почти святой и к тому же мудрый толкователь снов.

— Боже мой! — воскликнула Лизабетта. — Как мне благодарить вас, пошлите за ним, чтобы мне поскорее избавиться от этой муки!

Мадонна Лальдомина позвала служанку и приказала ей поспешить в монастырь Санта-Кроче и велела передать отцу Заккарио ее личную просьбу безотлагательно прибыть к ней по чрезвычайно важному делу.

Монах этот, известный благочестием своим, преисполненный человеколюбием более, чем книжной премудростью, был прост и набожен.

Выслушав посланную служанку, он тут же отправился в дом мадонны Лальдомины и застал ее вместе с дочерью. Они ждали его и встретили благоговейно, почтительно, предложили отдохнуть, а сами сели против него, затем провели его в залу, и мадонна Лальдомина начала так:

— Отец мой, не удивляйтесь, что я в такой ранний час послала за вами. Дело в том, что дочери моей Лизабетте приснился сон, который смутил ее. Зная вашу великую мудрость, я бы желала услышать от вас толкование этого сна.

— Сестра моя, — ответил монах, — я ради вашего облегчения, с помощью божиею, сделаю это; скажу, что мне откроется и что будет мне господом внушено. Но сначала хочу просить вас не обращать слишком большого внимания на сновидения, не верить им, ибо они в большинстве случаев обманчивы, хотя я и не могу сказать, что все они без исключения таковы, и отрицать полностью их значение, ибо иногда они справедливы, и это нам известно из библии: таковы многие места из Ветхого и Нового Завета, где говорится, например, про сон фараона о семи тощих и семи тучных коровах, а также о колосьях. А еще святой Лука пишет в евангелии, что Иосифу явился во сне ангел и приказал ему бежать в Египет, взяв Марию и Иисуса, ибо Ирод хотел убить младенца.

Затем монах, обратившись к девушке, велел ей рассказать ему свое видение.

Отвечая ему, девушка, опустив глаза, просила Заккарию и мать, чтоб они выслушали ее до конца и не прерывали ее речи... И дрожащим голосом она начала так:

— Вчера вечером я легла спать позднее обыкновенного. Меня беспокоили разные мысли, и я не могла сомкнуть глаз довольно продолжительное время. Наконец, наступил сон, и мне почудилось, будто я на берегу реки Арно за городскими воротами Сан-Фриано, кругом меня все цветет, и я сижу на траве среди молодой душистой зелени в приятной тени деревьев. Я любовалась рекой, такой чистой и прозрачной, текущей безмятежно у подно-

жия холма, и чувствовала неопишное наслаждение и успокоение, как вдруг подъехала и остановилась предо мной громадная колесница, с одной стороны светлая, как слононая кость, а с другой — черная, как эбеное дерево. Справа была впряжена в колесницу голубка белее снега, необыкновенной величины, а слева — чернй ворон, тоже необыкновенной величины. Подобно коням или волам, они влачили эту колесницу. В середине ее находилось сиденье, белое с одной стороны и черное с другой, как и все, что было в этой странной повозке, столь чудесно построенной, которой я любовалась во сне. Не знаю, как очутилась я в ней, но не успела я сесть, как нежная голубка и свирепый ворон взвились в воздух быстрее ветра, и мне казалось, что, поднимаясь все выше и выше, я достигла неба... И вот после всех виденных мною чудес я вошла самым обыкновенным образом в просторный круглый зал, и меня подвели к середине его и поставили около громадного шара, вокруг которого стояли красивые юноши, одни — в зеленой одежде, другие — в белой, третьи — в красной. Удивленная и взволнованная, я не знала, за кем из них следовать, но в это время тот шар-великан, расколовшись, раскрылся, и показалось высокое кресло, объятное пламенем; на нем восседал юноша, облаченный в огненное одеяние. На голове его сверкал неопишмым блеском венец. Когда юноша обратился ко мне, глаза мои не могли вынести подобного света, казавшегося мне в тысячу раз ярче света солнца. Пораженная этим, я была принуждена склонить голову до самой земли и закрыть глаза. Но немного погодя, желая взглянуть на окружающее, я ничего не увидела больше, ибо меня ослепило невероятное сияние. Тогда раздался громopodobный голос, произнесший слово, никогда не слышанное и не произносившееся доселе никем, и я почувствовала, что несет меня неведомо кто, неведомо куда, и после долгого пути я была оставлена на земле и ошупью узнала, что нахожусь на лугу. И действительно, я услышала человеческий голос, который сказал; «Дитя, подожди, не сомневайся, зрение к тебе возвратится».

При звуке столь добрых речей ожила я, но ответ мой, выражавший волнение моей души, мой язык отказывался выговорить, и я поняла, что я не только ослепла, но и онемела. Страждущая,

трепещущая, ожидала я, что далее мне предназначено. Тогда кто-то взял меня за правую руку и произнес: «Выгянись во всю длину своего тела!» Я повиновалась и ощутила на лбу свежую струю ручейка; тогда рукою я почерпнула из него священной воды, омыла себе глаза и все лицо, как мне было сказано, и в тот же миг — о, чудо! — вернулось мое зрение; и, осмотревшись вокруг, я настолько была поражена прелестью и красотой того места, где я находилась, что от радости, казалось мне, сердце мое вырвется из груди. Возле себя я узрела некоего старца, строгого отшельника с виду. Лицо его было бледно и худо, глаза выражали доброту сердца и мудрость. Борода закрывала его грудь, волосы ниспадали на плечи и казались тончайшими серебряными нитями, одет он был в длинную тунику из тонкой белой шерсти, опоясанную гибким жгутом из сплетенных водорослей. Голову старца украшал венок из миротворных нежных оливковых веток. Вид старца внушал чувство великого уважения. Луг, где я находилась, зеленел молодой травой и пестрел тысячами благоухающих цветов. Насколько взором возможно было охватить пространство, оно было все тем же расстилающимся лугом, вдали обрамленным деревьями. Небо над головой моей, удивительно прозрачное, сверкало без лучей; не видно было ни звезд, ни луны, ни солнца.

Святой старец восседал на высоком троне, который оказался обыкновенным камнем, обвитым плющом. У подножия протекал небольшой, но быстрый и прохладный ручей. Он не был величествен, не обрамлен искусною рукою человека ни мрамором, ни алебастром, — сама природа создала его и украсила. Вдоль берега цвели нежные лилии, окропленные росой. Другой источник, текущий в противоположную сторону, украшали бледно-фиолетовые и пурпурные фиалки. Вода первого источника казалась приятной на вкус, она больше всего походила на молоко; струя другого была черна, как чернила.

В то время как я размышляла о всем виденном, святой старец благословил меня, и ко мне тут же вернулась способность речи. Тогда я преклонила колени перед ним и, насколько умела, возблагодарила его, но он вдруг прервал меня, сказав:

— Постарайся правильно понять то, что мною будет содеяно, и тогда все произойдет к твоему благу.

И, встав между обоими источниками, он поднял маленький камешек правой рукой и бросил его в источник, струившийся к востоку, и как только камень исчез в его чистой воде, из нее появился младенец, радостный и светлый, словно его озаряли звездные лучи. Даря всем лицезрение своей небесной красоты, он с песней и смехом поднимался к небу, как бы на крыльях, и парил так высоко, что я тут же потеряла его из виду. Потом старец левой рукой поднял камешек и бросил его в другой источник, текущий на запад. Как только камень окунулся в темную его воду, оттуда показался младенец, смертельно бледный, весь раздутый, окруженный вспыхнувшим внезапно огненным кольцом. Обжигаемый этим пламенем, несчастный корчился и метался. И вдруг земля расступилась, и я увидела перед собою щель необыкновенной глубины. С криком и визгом младенец провалился в нее, после чего края ее сошлись и земля, выровнявшись, приняла прежний вид, покрылась травой и цветами. Тогда божественный старец окликнул меня, полумертвую от страха перед виденными чудесами, которые я старалась понять. Он сказал:

— Дочь моя, если ты исполнишь то, что я скажу тебе, до конца дней твоих душа твоя будет подобна младенцу, вышедшему из сего чистого источника, — с этими словами он указал на молочно-белые его струи. — Если же, наоборот, ты поступишь против моей заповеди и воли господней, то, подобно вышедшему из другого источника младенцу, душа твоя низринется в глубину ада, где будет осуждена так же, как и душа твоей матери.

А я, пребывая между страхом и надеждой, скорбью и ликованием, ответила:

— Скажите же, что я должна делать, чтоб быть угодной вам и создателю?

Отшельник ответил:

— Господу угодно, чтоб ты вступила в брак с Алессандро Торелли, твоим нареченным женихом, откинув всякие соображения о каком-либо ином обручении. И чтоб ты вручила первому встреченному тобой духовному пастырю триста лир, которые он отдаст бедной девушке, идущей замуж.

И лишь только он произнес эти слова, как лужайка, источники и сам святой отшельник вместе со сном исчезли из моих глаз, и я проснулась. — Тут Лизабетта умолкла.

Фра Заккарио, внимательнейшим образом слушавший этот рассказ в течение получаса, готов был поверить в его искренность, ибо ему не могло прийти в голову, что такая молодая девушка способна была сама столь смело измыслить и сплести подобную бессмысленную и фантастическую историю, и после минутного молчаливого раздумья он обратился к донне Лальдомине, которая в негодовании принялась уже бранить свою дочь; он просил ее замолчать, а потом сказал Лизабетте, чтоб она поведала ему все, что произошло между нею и Алессандро.

И тут он услышал, что девушку выдают замуж за Биндо и, чтоб расторгнуть ее первое обручение, написано прошение к папе. Тогда монах, подумав, решил, что это и привело к тому, что, с соизволения господ, Лизабетте приснился такой сон. Монах принялся увещевать донну Лальдомину и произнес красноречивую проповедь о браке. Он закончил тем, что обручение Лизабетты и Алессандро нерасторжимо, ибо Алессандро является уже теперь супругом Лизабетты, и то, что связано богом, того люди не расторгают. Известно, что многие не понимают и недооценивают, сколь велик и силен закон брака. И, вернувшись к сновидению, растолковал его по частям. В последнюю очередь он объяснил значение источников — белого, который указывает на невинность и благодушие, и черного, олицетворяющего вражду и грех. И это доказывало, что неисполнение воли творца приводит к ввержению в преисподнюю. Мадонне Лальдомине, дрожащей от ужаса, казалось, что она уже в когтях дьявола, и она совсем пала духом.

Добрый монах смекнул, что если Лизабетта не выйдет за Алессандро, то и милостыня в триста лир пройдет мимо него, и он прибавил еще несколько убедительных слов, что знает Алессандро не только как образованного и начитанного молодого человека, но и доброго и благоразумного. Он принялся уговаривать мадонну Лальдомину выдать дочь за Алессандро, потому что вообще в этой жизни добродетель есть истинное богатство, и еще по той причине, что дочь ее сама богата и ей нет надобности искать богатого мужа, но ей нужен честный человек, который сумеет сохранить и увеличить ее богатство, пуская его в оборот, когда к тому явится случай и необходимость, а для этого ей во всей Флоренции не найти более подходящего жениха; и в конце концов,

объяснял монах старой даме, что не только справедливость, но и честь требуют того, чтоб она отдала свою дочь за Алессандро. И чтоб лучше укрепить ее в этом решении, он дал ей понять, что, по воле господа бога, юноша, наверное, ее уже взял. Поэтому, поступая вопреки его указанию, мать навлечет проклятие на свою голову, так же как и на голову своей дочери. И в заключение монах так много наговорил, что у мадонны Лальдомины не осталось никаких колебаний, кроме некоторого затруднения, а именно: каким образом отказать Джери, который уже написал в Рим, как это ей было известно, беседовал с легатом и всеми юристами и на шумел на всю Флоренцию. И мать смиренно ответила фра Заккарио:

— О человек, умеющий действовать убеждением, как вы это сделали, истолковав значение сна, а также доводами разума коснувшись моей души, спасением которой я дорожу более всего на свете, так же как и душой моей дочери. Чтоб нам не быть ввергнутыми в преисподнюю, я с радостью поступаю по воле вашей, но не знаю, как мне отказать мессеру Джери! Я не хочу быть с ним слишком нелюбезной, это оскорбило бы его.

На это ответил монах:

— Мадонна, когда дело касается божественной любви и спасения души, не должно иметь опасения, и осторожности, и если это вам желательно, я отправлюсь, во имя любви к ближнему, к мессеру Джери и уверен, что сумею уговорить его и помирить с вами.

— Благослови вас бог, — ответила женщина. — И я прошу еще, чтобы заключение брака моей дочери состоялось под вашим покровительством, и пусть вы первый объявите о том Алессандро.

Лизабетта, услышав эти слова, просто не помнила себя от счастья и сказала матери, что желает прежде всего передать триста лир ее духовному отцу, чтоб он мог оказать милость какой-нибудь бедной девице, вступающей в брак.

— Хорошо сказано, — одобрил монах, — ибо нет на свете ничего столь угодного богу, как дело милосердия, и знайте, как раз у меня есть племянница, хорошо воспитанная и образованная, которая уже два года тому назад собралась выйти замуж и лишь потому до сих пор остается в девицах, что не имеет приданого. Ее отец — ткач, и на его руках жена и дети, а его заработка едва

хватает на пропитание семьи. Конечно, это великая милость с вашей стороны.

Мадонна Лальдомина тут же написала распоряжение в банк Перуцци, чтоб фра Заккарио выдали триста лир, и просила его затем отправиться к мессеру Джери и уладить с ним дело.

Фра Заккарио, весьма тем довольный, оставил их, и мать с дочерью успокоились, особенно Лизабетта.

Первое, что сделал добрый монах, — это получил деньги и отнес их к себе домой; потом, когда пришло время, он выдал замуж свою племянницу; освободившись от всяких забот, он отправился к мессеру Джери, которому прочел великолепное наставление и обратил его к послушанию; Джери был побежден доводами монаха, питая к нему большое уважение и доверие. Поблагодарив горячо Джери, монах отправился к ожидающим его дамам и, рассказав им, как все произошло, послал за Алессандро, который только что пришел к себе домой, чтобы отобедать, и с радостью, великой поспешил на приглашение. Добрый старик усадил его с дамами, изложил ему с отменным красноречием все происшедшее и потом сообщил, что на сегодня назначен великолепный прием и по этому случаю он желает, чтобы в присутствии всех друзей и родных Алессандро заключил брачный союз с Лизабеттой. Все согласились с этим, и все вместе тут же позавтракали. Вечером они торжественно отпраздновали свадьбу, и в присутствии всей родни Алессандро надел кольцо своей невесте; потом счастливо провел с ней ночь.

По всей Флоренции разнеслась эта новость. Все были удовлетворены и хвалили мать, не говоря уже о дочери. Алессандро из своего маленького бедного жилища переехал в богатейший дом и стал главою семьи. Однако он не оставил своей науки; таким образом он вскоре сделался не только богачом, но и учнейшим человеком, великодушным, мудрым и уважаемым горожанином. Республика не раз пользовалась его услугами в важных делах, как внутренних, так и внешних. Итак, он достиг почестей, уважения, богатства и, прожив долгую жизнь, родил потомство на радость и удовольствие мадонны Лальдомины. Таким образом, влюбленная молодая девушка покорила злые козни судьбы и достигла великого счастья, дав мужу радость жизни и почет, побуждая его к полезным деяниям во имя прославления родины.

[Вечер второй, новелла III]